

Т. А. Ложкова
Екатеринбург, Россия

ФАНАТСКАЯ КРИЧАЛКА И ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС: К ВОПРОСУ О СПЕЦИФИКЕ БЫТОВАНИЯ СОВРЕМЕННОГО МОЛОДЕЖНОГО ФОЛЬКЛОРА

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена анализу жанра фанатской кричалки в связи с вопросом о своеобразии бытования фольклорной традиции в современных молодежных субкультурах. Актуальность исследования связана со сложным, не до конца изученным характером взаимодействия традиции и новации в устном словесном творчестве. О сложности данной исследовательской проблемы свидетельствует полемика по поводу обоснованности терминов «неофольклор» и «постфольклор». Субкультура — значимое явление современного городского фольклора — определяется как знаковая и нормативная система, способная к самовоспроизводству и относительно автономная в рамках более широкой системы культуры.

Предлагаются критерии разграничения внешне близких кричалки и речовки, уточняется представление о функциональном диапазоне жанра. Внешне кричалка и речовка схожи, потому что представляют собой короткие ритмизированные тексты, предназначенные для совместного скандирования. Однако отмечаются функциональные различия: так, речовка призвана создать у исполнителей ощущение принадлежности к сплоченной группе, а кричалка генетически связана с традиционным обрядовым фольклором. Опираясь на исследования, посвященные словесным фольклорным жанрам, бытующим в среде спортивных фанатов, автор выдвигает гипотезу об активизации процесса структурно-смысловой унификации националистической и фанатской разновидности кричалки, обусловленного внедрением жанра в современный политический дискурс. Ставится задача специального изучения кричалки в аспекте выявления ценностных доминант современной фанатской субкультуры.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: современный фольклор; молодежные субкультуры; политический дискурс; жанр; кричалка.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Ложкова Татьяна Анатольевна, доктор филологических наук, доцент кафедры литературы и методики ее преподавания Уральского государственного педагогического университета; адрес: 620017, Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26; e-mail: lozhkova@eka-net.ru.

Своеобразие современных форм словесного народного творчества является предметом пристального научного внимания в последние десятилетия. Своего рода катализатором данного процесса стала известная публикация С. Ю. Неклюдова, в которой была развернуто изложена концепция постфольклора как «третьей» культуры, дистанцированной, с одной стороны, от патриархальной крестьянской («традиционный фольклор»), а с другой стороны — от официально санкционированной [Неклюдов 1995: 2—4]. Введение термина «постфольклор», по мнению автора публикации, было вызвано необходимостью указать на очевидную специфику фольклорного репертуара, обнаружившего тенденцию к явному доминированию в общем корпусе народной словесности примерно с середины XIX в., и на ее обусловленность активным развитием городской культуры. Публикация С. Ю. Неклюдова вызвала живой отклик и полемические возражения. Сошлемся, например, на В. П. Аникина, который, на наш взгляд, в концентрированной форме изложил основные сомнения, возникающие в связи с вопросом о продуктивности предложенного С. Ю. Неклюдовым термина: «Смысл понятия „неофольклор“ очевиден — это новый фольклор. Понятие „постфольклор“ исключает существование фольклора вообще, в лучшем случае предполагает его замещение чем-то иным. <...> У точки зрения, что никакого фольклора нет, вряд ли найдется много сторонников. Разве лишь среди тех, кто судит о явлениях современного массового творчества в границах отвлеченных научных конструкций и умозрительных исторических предположений. В свете подхода, считающегося прежде всего с фактами, очевидно, что давний тра-

диционный фольклор существует и существует новый фольклор, у которого уже сложились свои традиции» [Аникин 1997: 224]. О традиционности как показателе принадлежности того или иного явления общественной жизни сфере культуры своевременно напомнила Л. В. Демина: «Традиционная культура представляет собой сферу концентрации опредмеченного коллективного опыта прошлого и рождения инноваций, обеспечивающих адаптацию традиционных культурных норм к изменяющимся условиям существования этноса» [Демина 2011]. Исследовательница резонно заметила, что традиционная культура является не только основой духовного бытия народа, но и образовательным институтом современной личности, поскольку несет в себе значительный творческий потенциал, который может и должен активно использоваться в процессе воспитательной и образовательной деятельности в молодежной среде.

В результате полемических размышлений обозначилось весьма важное направление научной мысли, связанное с необходимостью прояснения сложного вопроса о характере взаимодействия традиции и новации в устном словесном творчестве, о степени и характере вписанности современных словесных форм в магистральные направления развития русского фольклора в целом. Так, нам представляется в высшей степени плодотворной деятельность участников семинара, посвященного изучению фольклорных традиций современного российского города, при Институте высших гуманитарных исследований РГГУ, и научного интернет-проекта «Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика» [Фольклор и постфольклор...]. В значительном корпусе научных публикаций, среди которых особо выделим комплексное исследова-

ние, осуществленное авторами коллективного труда «Современный городской фольклор» [Современный городской фольклор], была в достаточно полной степени осмыслена сложность и многослойность изучаемого процесса.

В итоге, с одной стороны, удалось выявить и охарактеризовать такие существенные особенности современного городского фольклора, как его полицентричность, фрагментированность в соответствии с профессиональным, клановым, возрастным расслоением общества, активное формирование и функционирование специфических жанровых комплексов внутри более или менее автономных субкультур (солдатской, молодежной, туристической, студенческой, профессиональных и т. д.). Само явление субкультуры, на наш взгляд, получило достаточно убедительную характеристику в работах Т. Б. Щепанской, определяющей его как знаковую и нормативную систему, способную к самовоспроизводству и относительно автономную в рамках более широкой системы культуры [Щепанская 2004: 30—31]. Формирование таких «закрытых», слабо связанных между собой страт С. Ю. Неклюдов объясняет потребностью в идентификации и самоидентификации членов сообществ, стремящихся к культурной изоляции: «Естественно, сами по себе эти процессы являются достаточно давними. Характерным примером является жаргон <...> бродячих торговцев — офеней, от обозначения которых, кстати, произошло и название воровского аргота XX в. (*блатная феня*, *ботать по фене*), что возможно свидетельствует и об определенной культурной преемственности» [Неклюдов 2003: 11—12]. Таким образом, особенностью современной городской культурной ситуации является не наличие субкультур как таковых, но их актуализация и активизация, а также заметное разнобразие идентификационных кодов и текстов, их обслуживающих. Субкультуры могут быть постоянными (например, любительские и профессиональные объединения — туристы, футбольные болельщики и т. п.) или временными (объединения «по интересам»), формальными (солдаты срочной службы) и неформальными (молодежные «тусовки») [Неклюдов 2003: 12].

С другой стороны, исследователями отмечается «проницаемость» границ между стратами, тенденция к циркуляции текстов за пределами породившей их среды, легкость и быстрота их распространения по всей стране, их структурная, содержательная и функциональная связь с массовой культурой, которая, в свою очередь, ориентирована на воспроизведение многих родовых свойств фольклора [Неклюдов 2003: 12].

Наибольший интерес для фольклористов представляют словесные тексты, обслуживающие ту или иную субкультуру.

Одним из частотных в современной городской среде жанров является так называемая фанатская кричалка («заряд») — специфическая разновидность характерного для молодежных субкультур жанра, бытующая в сообществах футбольных (и прочих) болельщиков. Кричалка нередко отождествляется с речовкой: обе формы внешне представляют собой короткий ритмизированный текст, предназначенный для совмест-

ного скандирования [Громов 2012: 127]. И кричалка, и речовка сегодня заняли прочное место в системе текстов, обслуживающих и оформляющих специфический мир закрытых сообществ [см., напр.: Козлов 2008].

Накопленный на сегодня исследовательский материал, на наш взгляд, позволяет говорить о полифункциональности фанатской кричалки.

Так, по наблюдениям Д. В. Громова, как кричалки, так и речовки, в сущности, выполняют единую функцию рупора для выражения мнения сплоченной группы. Особо важное значение такая форма получает в процессе уличных акций: «Слаженное скандирование и широкий репертуар речевек работают на престиж самих скандирующих и сообщества (направления), которое они поддерживают. Совместное исполнение речевек — сильный спланирующий фактор. Экстатическое состояние, которое возникает при совместном исполнении речевек, закрепляет чувство единения и усиливает самондентификацию молодых людей как членов группы. Особенно остро единение с группой переживается перед лицом опасности, а речевочные практики часто предполагают именно экстремальность ситуации, наличие опасности, присутствие внешней угрозы. Хорошо организованный и вооруженный большим репертуаром коллектив скандирующих может действовать в уличных условиях слажено и эффективно, оперативно подбирая речевки согласно ситуации» [Громов 2008: 26]. Думается, что именно функциональная природа речовки является фактором, определяющим некоторые композиционные особенности жанра: заметное редуцирование и упрощение словесного текста, жесткое подчиненное ритму, широкое использование простейших диалоговых конструкций (переключек), различного рода повторов, тавтологий и т. д.

Аналогичные размышления представлены в исследовании М. В. Строганова и Р. А. Боровик, полагающих, что речовка призвана создать у исполнителей ощущение принадлежности к сплоченной группе [Строганов, Боровик 2014: 206].

Между тем кричалка, по-видимому, ориентирована на выполнение несколько иной функции, что обусловлено спецификой ее генетических связей с традиционным обрядовым фольклором: «Две группы кричалок футбольных фанатов: восхваляющие свою команду и осуждающие команду-соперника — целесообразно рассматривать по аналогии с величальными и корильными песнями княжеского стола традиционной свадьбы. Величальные и корильные песни княжеского стола выполняют магическую функцию, перераспределяя общую долю при создании новой семьи. Ту же самую магическую функцию выполняют и кричалки футбольных фанатов» [Строганов, Боровик 2014: 203]. Таким образом, кричалка вписывается в систему обрядов перехода (свадебных, похоронных), важнейшим элементом которых является состязание: «Иначе сказать, любое спортивное соревнование — это институция по перераспределению доли, и борьба за лучшую долю, участь, богатство (во всех архаических связях этих терминов) составляет смысл спортивного соревнования» [Там же]. В отличие от обычного болельщика, наблюдающего за состязанием, фанат

ощущает себя одним из его участников, способных своими действиями повлиять на его исход: «Фанат не смотрит спортивное состязание, а участвует в нем. Его величальные кричалки усиливают мощь своей команды и приближают ее победу, а корильные кричалки уменьшают силу команды соперника и делают ее проигрыш обязательным. Фанат верит в магическую силу слова: то, что сказано, непременно сбудется в силовом состязании» [Строганов, Боровик 2014: 204]. Очевидно, фанатская кричалка является собой не что иное, как вербальный (наряду с визуальным — шарфиками, баннерами и т. п.) элемент ритуала, обеспечивающего магическую поддержку состязания. Тем самым обнаруживается глубинная связь современных городских текстов с прочной фольклорной традицией. Получает убедительное объяснение различие как в жанровой поэтике кричалки и речовки (кричалка тяготеет к более или менее развернутой, информативно насыщенной стихотворной форме), так и в характере их исполнения: «Массовое исполнение речовки является ее жанровой принадлежностью. Хотя кричалка известна всем фанатам, она исполняется либо индивидуально, либо небольшим коллективом; большой коллектив для ее исполнения противопоставлен. Речовка же захватывает всех фанатов, вовлекает каждого и привлекает силу каждого в единый мощный порыв» [Строганов, Боровик 2014: 206]. Попутно заметим, что речовка исполняется преимущественно во время шествий, задавая ритм движения группы и облегчая тем самым процесс обретения искомой сплоченности. Кричалка ориентирована на использование непосредственно во время соревнования, экспрессивность и смысловая насыщенность в ней более важны, чем ритмическая упорядоченность.

Думается, что внимания заслуживает не только связь интересующей нас формы с глубинными традициями народной культуры, но и ее вписанность в магистральную тенденцию развития русского фольклора, суть которой — формирование и активное выдвигание на доминирующее место кратких, экспрессивных словесных форм (например, частушка, анекдот). Данная тенденция явно обнаружила себя примерно к середине XIX в., что было обусловлено, по мнению многих фольклористов, бурным развитием городов. Популярность лаконичных форм во многом объясняется тем, что они наиболее приспособлены к выполнению специфической функции — оперативно оформить и выразить реакцию активно развивающегося в условиях города общественного сознания на явления и процессы стремительно меняющейся действительности: «Частушки относятся к лирическому роду поэзии. Их главное назначение не в том, чтобы подробно рассказать о тех или иных фактах (хотя жизненные события и отражаются в частушках), а в том, чтобы дать этим фактам и событиям определенную идейно-эмоциональную оценку, выразить те или иные мысли и чувства» [Лазутин 1989: 71].

В связи с этим представляется весьма важным наблюдение Г. В. Жаркова, обнаружившего, что фанатский фольклор в настоящее время активно использует политизированную риторику, несмотря на то, что данная субкультура фор-

мально находится вне политики [Жарков 2015: 174]. Таким образом, фанатская кричалка берет на себя функцию вербального оформления и выражения позиции, характерной для представителей данной субкультуры, по вопросам, выходящим далеко за рамки собственно спортивной и околоспортивной реальности.

Особый интерес представляет вопрос о возможности включения современной фанатской кричалки в националистический дискурс. К постановке данной проблемы нас побудило знакомство с исследованием националистических кричалок и речевок, исполнявшихся во время «Русских маршей» в Екатеринбурге и Москве в 2013 и 2014 гг., предпринятое М. Б. Ворошиловой.

Проанализировав значительное число текстов, исследовательница пришла к выводу о расширении их функционального диапазона за счет того, что наряду с уже традиционным обеспечением необходимой степени сплоченности скандирующей группы с помощью речевок, ее участники активно используют и кричалки в качестве деморализующего средства, призванного напугать некоего «врага». При этом организаторы шествий стремятся к конкретизации образа врага путем создания эффекта его «очного присутствия» (например, сбор участников «Русского марша» 2014 г. в Екатеринбурге проводился на территории Уралмашевского рынка — места, где работает большое количество мигрантов) [Ворошилова 2015: 102—104]. Таким образом, тексты, исполняющиеся во время политизированных шествий, обнаруживают тенденцию к сближению с фанатским типом кричалки. Мы предполагаем, что «деморализующая» (в терминологии М. Б. Ворошиловой) направленность националистических кричалок является собой специфический вариант осуществления выявленной М. В. Строгановым и Р. А. Боровик магической, ритуальной функции, когда образ соперника по состязанию замещается образом «чужака», «врага». Соответственно иначе расставляются и смысловые акценты: сюжетной ситуации соревнования, состязания (фанатская кричалка) в националистической кричалке соответствует ситуация «противостояния/войны».

Таким образом, при всей специфике словесно-смыслового наполнения, националистическая кричалка обнаруживает глубинное, структурное родство с кричалкой фанатской (сюжетная ситуация состязания-противостояния-войны; система опорных образов «свой — соперник/враг»; активизация ритуальной, магической функции ослабления соперника / деморализации врага).

В свете наблюдений М. Б. Ворошиловой замеченная Г. В. Жарковым политизация современного фанатского фольклора позволяет предположить, что мы являемся свидетелями процесса структурно-смысловой унификации жанровых разновидностей кричалки как показателя ее активного внедрения в политический дискурс.

Наконец, специальное исследование кричалок в интересующем нас аспекте позволит в значительной степени приблизиться к решению заявленной Т. Г. Никитиной задачи выявления системы аксиологем, фиксирующих ценностные доминанты современной фанатской субкультуры [Никитина 2007: 605].

ЛИТЕРАТУРА

1. Аникин В. П. Не «постфольклор», а фольклор (к постановке вопроса о его современных традициях) // Славянская традиционная культура и современный мир : сб. материалов науч.-практ. конф. — М. : Гос. респ. центр русского фольклора, 1997. Вып. 2. С. 224—240.
2. Ворошилова М. Б. Националистическая кричалка: к определению жанра (предметно-смысловое содержание) // Язык. Право. Общество : сб. ст. 3 Междунар. науч.-практ. конф. (Пенза, 13—14 мая 2015 г.). — Пенза : Изд-во ПГУ, 2015. С. 102—104.
3. Громов Д. В. Уличный театр молодежной политики: оппозиционные движения // Этнографическое обозрение. 2008. № 1. С. 19—30.
4. Громов Д. В. Фольклор молодежных субкультур: закономерности формирования и проблемы исследования // От конгресса к конгрессу: навстречу Второму Всерос. конгрессу фольклористов : сб. материалов. — М. : Государственный республиканский центр русского фольклора, 2010. С. 134—150.
5. Громов Д. В. Современная молодежная речевка // Традиционная культура. 2012. № 1. С. 127—139.
6. Демина Л. В. Сохранение традиционной народной культуры в современном обществе // Теория и практика общественного развития. 2011. № 2. Философские науки. URL: <http://teoria-practica.ru/vipusk-2-2011>.

T. A. Lozhkova
Ekaterinburg, Russia

FAN CHANTS AND POLITICAL DISCOURSE:

ON THE ISSUE OF THE MODERN YOUTH FOLKLORE'S SPECIFICS OF EXISTENCE

ABSTRACT. This article analyzes the genre of fan chants in relation with the question of the uniqueness of existence of folklore traditions in contemporary youth subcultures. The author proposes criteria for differentiation of seemingly similar chants and slogans and refines the picture of the functional range of the genre. Relying on the studies of verbal folklore genres, current perceptions among sports fans, the author puts forward the hypothesis of activation of the process of structural and semantic unification of nationalistic and fan chants species due to the introduction of the genre in contemporary political discourse. The main objective is to explore the chants in terms of revealing the dominant values of modern fan subculture.

KEYWORDS: modern folklore; youth subculture; political discourse; genre; chant.

ABOUT THE AUTHOR: Lozhkova Tatyana Anatolyevna, Doctor of Philology, associate Professor of Literature and Methods of Teaching Department of the Ural State Pedagogical University (Yekaterinburg, Russia).

REFERENCES

1. Anikin V. P. Ne «postfol'klor», a fol'klor (k postanovke voprosa o ego sovremennykh traditsiyakh) // Slavyanskaya traditsionnaya kul'tura i sovremennyy mir : sb. materialov nauch.-prakt. konf. — M. : Gos. resp. tsentr russkogo fol'klora, 1997. Vyp. 2. S. 224—240.
2. Voroshilova M. B. Natsionalisticheskaya krichalka: k opredeleniyu zhanra (predmetno-smyslovoe sodержanie) // Yazyk. Pravo. Obshchestvo : sb. st. 3 Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Penza, 13—14 maya 2015 g.). — Penza : Izd-vo PGU, 2015. S. 102—104.
3. Gromov D. V. Ulichnyy teatr molodezhnoy politiki: oppozitsionnye dvizheniya // Etnograficheskoe obozrenie. 2008. № 1. S. 19—30.
4. Gromov D. V. Fol'klor molodezhnykh subkul'tur: zakonornosti formirovaniya i problemy issledovaniya // Ot kongressa k kongressu: navstrechu Vtoromu Vseros. kongressu fol'kloristov : sb. materialov. — M. : Gosudarstvennyy respublikanskiy tsentr russkogo fol'klora, 2010. S. 134—150.
5. Gromov D. V. Sovremennaya molodezhnaya rechevka // Traditsionnaya kul'tura. 2012. № 1. S. 127—139.
6. Demina L. V. Sokhraneniye traditsionnoy narodnoy kul'tury v sovremennom obshchestve // Teoriya i praktika obshches-

7. Zharkov G. V. Riskovannyye praktiki v sovremennykh molodezhnykh subkul'turakh i oformlyayushchie ikh teksty: tendentsii razvitiya // Situatsiya postfol'klora: gorodskie teksty i praktiki. — M. : Forum, 2015. S. 166—180.
8. Kozlov V. V. Fanaty. Proshloe i nastoyashcheye rossiyского okoloftutbola. — M. : Amfora, 2008.
9. Lazutin S. G. Poetika russkogo fol'klora. — M. : Vyssh. shkola, 1989.
10. Neklyudov S. Yu. Posle fol'klora // Zhivaya starina. 1995. № 1. S. 2—4.
11. Neklyudov S. Yu. Folyklor sovremennogo goroda // Sovremennyy gorodskoy fol'klor. — M. : Ros. gos. gumanit. un-t, 2003. S. 5—24.
12. Nikitina T. G. Lingvokul'turologicheskiye aspekty izucheniya fol'klora futbol'nykh fanatov // Russkiy yazyk: istoricheskiye sud'by i sovremennost' : trudy 3 Mezhdunar. kongr. issledovateley russkogo yazyka (MGU im. Lomonosova, filol. fak., 20—23 marta 2007 g.). S. 605—606. URL: <http://www.philol.msu.ru/~rlc2007/abstracts/?sectionid=19>.
13. Sovremennyy gorodskoy fol'klor. — M. : Ros. gos. gumanit. un-t, 2003.
14. Stroganov M. V., Borovik R. A. Futbol'nyye krichalki i rechevki kak zhanry gorodskogo fol'klora // Kul'tura i tekst. 2012. № 2. S. 195—227.
15. Folyklor i postfol'klor: struktura, tipologiya, semiotika. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/>.

- tvennogo razvitiya. 2011. № 2. Filosofskie nauki. URL: <http://teoria-practica.ru/vipusk-2-2011>.
7. Zharkov G. V. Riskovannyye praktiki v sovremennykh molodezhnykh subkul'turakh i oformlyayushchie ikh teksty: tendentsii razvitiya // Situatsiya postfol'klora: gorodskie teksty i praktiki. — M. : Forum, 2015. S. 166—180.
8. Kozlov V. V. Fanaty. Proshloe i nastoyashcheye rossiyского okoloftutbola. — M. : Amfora, 2008.
9. Lazutin S. G. Poetika russkogo fol'klora. — M. : Vyssh. shkola, 1989.
10. Neklyudov S. Yu. Posle fol'klora // Zhivaya starina. 1995. № 1. S. 2—4.
11. Neklyudov S. Yu. Fol'klor sovremennogo goroda // Sovremennyy gorodskoy fol'klor. — M. : Ros. gos. gumanit. un-t, 2003. S. 5—24.
12. Nikitina T. G. Lingvokul'turologicheskiye aspekty izucheniya fol'klora futbol'nykh fanatov // Russkiy yazyk: istoricheskiye sud'by i sovremennost' : trudy 3 Mezhdunar. kongr. issledovateley russkogo yazyka (MGU im. Lomonosova, filol. fak., 20—23 marta 2007 g.). S. 605—606. URL: <http://www.philol.msu.ru/~rlc2007/abstracts/?sectionid=19>.
13. Stroganov M. V., Borovik R. A. Futbol'nye krichalki i rechevki kak zhanry gorodskogo fol'klora // Kul'tura i tekst. 2012. № 2. S. 195—227.

Статью рекомендует к публикации канд. филол. наук, доц. М. Б. Ворошилова.